

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская академия наук
Институт восточных рукописей

МОНГОЛИЯ В ЖИЗНИ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ

*Воспоминания,
письма,
фотографии*

Санкт-Петербург
2019

Глава II

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

1. Страницы биографии

Людмила Константиновна не вела дневников. Не знаю, вела ли она их в молодости, но совершенно точно не в последние годы. Когда я приходила к ней, она часто рассказывала много интересных историй о своей жизни. И эти истории переносили меня далеко в довоенную эпоху, время второй мировой войны, послевоенное время. В детстве она жила с родителями на углу улицы Восстания и улицы Жуковского. Однажды мы проезжали мимо и Людмила Константиновна показала мне дом. Рассказала, какой красивой была парадная с коврами на лестнице. Квартира была просторной с красивой мебелью и благородной посудой. Во время войны отец пустил жить семью знакомого, который затем после войны отказался выезжать и квартиру пришлось разделить. Училась в школе на Восстания. В школе у нее была очень близкая подруга, которую тоже звали Людмилой. Но, несмотря на то, что они были тезками, по складу характера подруги были совсем разные. Одна хрупкая, нежная, ранимая со светлыми волосами, другая бойкая, энергичная, темноволосая. Людмила Константиновна предполагала, что возможно, та решила взять шефство над ней. Класс был дружный. Это был выпуск, который закончил школу, а назавтра началась война. Вчерашняя школьница копала окопы под Ленинградом. Однажды она подвернула ногу и ее несли на носилках. Затем

эвакуация. В эвакуации Людмила жила и работала в Кунгуре. Работала медсестрой и учителем. От истощения ее спасли переливанием крови. Но о трудностях, о том, что голодали, Людмила Константиновна почти ничего не рассказывала, все больше о детишках, о том, что они еще долго присылали ей письма, даже став взрослыми. Рассказывала о красоте кунгурских пещер, и о том, как однажды ехала на санях по тихому заснеженному лесу.

Все мальчики ушли на фронт, со многими одноклассниками Людмила Константиновна переписывалась. Переписывалась она и с подругой Людмилой. Было много фронтовых писем, помню письмо от Людмилы, написанное на обратной стороне клочка агитационного плаката. В условиях войны порой не на чем было писать. Но в тяжелейших условиях подруги находили время для того, чтобы почти каждый день отправлять друг другу письма. Однажды письма от Людмилы прекратились. Позже Людмила Константиновна узнала, что Людмила попала под бомбежку и погибла. Это была утрата, которую Людмила Константиновна не забыла и с болью вспоминала всю свою жизнь. Незадолго до своего ухода Людмила Константиновна стала подчищать архив, сжигая самые близкие, личные письма. Это были письма от Льва Абрамовича, которые она ежедневно получала, когда находилась вдали от него в зарубежной командировке, фронтовые письма одноклассников, письма от подруги Людмилы.

Еще вспомнился один эпизод. Мальчик из класса, уходя на фронт, сказал ей: «Когда вернусь с фронта, скажу тебе что-то очень важное». Но он не вернулся. Что хотел сказать молодой человек девушке-однокласснице, остается догадываться. Такова была судьба страны и судьба многих молодых людей того времени. На групповой фотографии запечатлен 10 класс 2-й выпуск 32-ой железнодорожной школы. Фотография датирована 1941 годом. Трое мальчиков из класса были отправлены на офицерские курсы по Ладоге на барже вместе с такими же как они мальчишками. Их баржу разбомбили фашисты и все ребята погибли. Одну девочку повесили немцы в оккупации, она была партизанкой в Ленинградской области. Большинство ребят из класса погибли в войну. Но те, кто выжил, пережив весь ужас войны, прожили долгую жизнь. После 90-летия были живы 7 человек из класса (5 девочек и 2 мальчика). Не иначе, как их одноклассники — ребята, трагически погибшие так рано, завещали им долгую жизнь.

Из одноклассников Людмилы Константиновны я лично знала Валентину Михайловну Михайлову и Надежду Федоровну Дубнякову-Шанину. Но особенно близка была Надежда Федоровна, с которой связывала дружба на протяжении всей жизни. Надежда Федоровна в детстве ча-

сто бывала в доме у Людмилы Константиновны, очень тепло и по-дочерни относилась к ее родителям. Для нее это была вторая семья - родную мать Надежда Федоровна потеряла в блокаду. Про Августу Михайловну она так и говорила, что считает ее второй мамой. Даже будучи уже взрослым, а затем пожилым человеком, она признавалась, что часто мысленно обращается за советом к Августе Михайловне или спрашивает себя, а что бы сказала Августа Михайловна в такой ситуации. Дружба на протяжении жизни — это великий дар, способность сохранить светлую дружбу дана не каждому и такая способность характеризует как одну сторону, так и другую. Людмила Константиновна знала цену дружбе, настоящим человеческим отношениям и могла всю себя отдавать, сопереживая и поддерживая другого. Надежда Федоровна — чистейшая, искренняя, открытая, добрая душа. Судьба наградила ее любящим и заботливым сыном, прекрасными внуками. Людмила Константиновна была крестной мамой сына Надежды Федоровны, Володи. Володя с большим уважением относился к крестной, звонил, заезжал в праздники, поддерживал в нужные моменты. В последние годы, когда подруги уже не могли свободно передвигаться и навещать друг друга (жили в разных концах города), они завели порядок созваниваться дважды в день в строго определенное время: утром, чтобы узнать как прошла ночь, и днем, чтобы удостовериться, что день прошел благополучно, поделиться мыслями, впечатлениями, почитать что-нибудь вслух. Людмила Константиновна не любила и не поддерживала разговоры на бытовые темы, поэтому разговоры с ней были всегда о чем-то более высоком.

По воспоминаниям Володи, незадолго до своего ухода в одном из таких телефонных звонков Людмила Константиновна сказала подруге: «Надя, я тебя очень люблю».

Елизаветино

Людмила Константиновна любила бывать на природе. Период, когда они могли выезжать на дачу в Елизаветино, пожалуй, был самым счастливым. Тогда были живы родители, папа Константин Васильевич и мама Августа Михайловна, а Людмила Константиновна и Лев Абрамович были молодыми и полными сил. На даче не было огорода, но весь двор был засажен цветами, особенно много росло гладиолусов. Однажды, когда я принесла гладиолусы, Людмила Константиновна сказала, что очень любит их и рассказала про дачу. Но в то же время, она призналась, что эти цветы навевают грусть и воспоминания о прошлом. На дачу погостить приезжали друзья, и даже студенты.

Мама Августа Михайловна была замечательным кулинаром и превосходной хозяйкой. В самые трудные времена она умудрялась приготовить вкусный обед, сшить дочери новое платье или юбку хотя бы из старых папиных брюк.

В доме часто бывали гости, угощались пирогами Августы Михайловны и потом всегда вспоминали, как вкусно и тепло их принимали. Отношения с мамой были очень трогательными, когда родители уезжали на лето в деревню, теплые подробные письма, пропитанные любовью и заботой, писались каждый день. Но Людмила Константиновна считала маму строгой, более строгой, чем папа. Папе можно было пожаловаться, поплакать у него на коленках, обняв за шею. Мама была более сдержанна. В детстве, как вспоминала Людмила Константиновна, днем не дозволялось просто сидеть и читать книгу, только, когда переделаны все дела и есть свободное время. В самом раннем детстве нельзя было входить в комнату, когда в ней находились взрослые гости. Или, если приходилось сидеть за столом с гостями, не дозволялось вмешиваться в их беседу.

Книги из детства

Одно из ярких воспоминаний детства — когда родители подарили роскошную в бархатном переплете, с красивыми рисунками книгу. Это был Марк Твен «Приключения Тома Сойера». Некоторые книги остались с детства и Людмила Константиновна подарила их моим детям. Сейчас передо мной на письменном столе лежат эти книги: Семен Полоцкий «Каквас» (Государственное издательство типографии Печатный двор. Ленинград. 1928 г.); И. Грязнов «Искатели мозолей» (ОГИЗ. 1931 г.); С. Федорченко «Четыре дневника» (Государственное издательство. Москва/Ленинград. 1930 г.), набор иллюстраций с подписью Людмилы Константиновны: «Миша и Саша, придумайте историю по этим картинкам». Есть еще конверт, в который вложены фотография с монгольскими детишками и поздравительная открытка с надписью: «Дорогой Миша, становись год от года все лучше, добрее, мужественнее и сильнее. Настоящий мужчина всегда готов принять на себя самое трудное. Живи, расти и думай, думай, думай. Обнимаю тебя. Л. К.» И еще одна открытка, которую я бережно храню: «Дорогая Регина! Желаю, чтобы Ваш сын всю жизнь приносил Вам только радость! Поздравляю всю вашу семью с сыном и внуком! 15 августа 1999 г. Л. К. и Л. А.» Когда дети подросли, Людмила Константиновна приглашала их в гости. Особенно

любила беседовать с Мишей, отмечала его глубину и рассудительность. Саша (на четыре года младше брата), немного посидев, начинал ерзать на стуле, болтать ногами, а потом вставал и ходил по комнате, рассматривая висевшие на стене картины и изображения с монгольскими сюжетами. Сашу Людмила Константиновна называла непоседой. Уходя, дети одинаково трогательно задирали носики, подставляя лицо для поцелуя. Рассмеявшись, Людмила Константиновна приобнимала их и целовала в щечку.

Лев Абрамович и Людмила Константиновна

Людмила Константиновна была на последнем курсе университета, а Лев Абрамович уже работал преподавателем. Впервые они обратили внимание друг на друга во время подготовки к празднику 7 ноября. Людмила Константиновна была редактором стенгазеты. Выйдя из университета, они разговорились по пути и вместо того, чтобы пойти прямо по Невскому, как обычно она ходила домой, они пошли через Дворцовую и Марсово поле. Сразу же после этой прогулки Людмила Константиновна поняла, что произошло что-то очень важное. Она полюбила. Встретила человека всей своей жизни. То же самое, наверняка, почувствовал и Лев Абрамович. Их отношения всю жизнь оставались нежными, трепетными, наполненными любовью, заботой и тревогой друг о друге, и, конечно, очень уважительными друг к другу. Лев Абрамович знал, какой ранимой и чувствительной на самом деле была Людмила Константиновна. Он называл ее тургеневской девушкой и понимал, что ее надо защищать и оберегать. Еще он часто говорил ей: «Ты слишком женщина». Такой ее знали только самые близкие люди. О том, что болит, что ранит ее, Людмила Константиновна никому не говорила и никогда никому не показывала. Всегда была собрана, сдержанна, владела собой и держалась достойно в любой ситуации. Только ей самой и близким было ведомо, какой ценой ей все это доставалось. Близким людям она была предана полностью и без остатка.

Что же имел в виду Лев Абрамович, называя Людмилу Константиновну тургеневской девушкой, можно предполагать. Воспитанная на литературе 19 века, тонко чувствующая, склонная к рефлексии, явный интроверт, с войной рано пережившая потрясения и лишения, она, кажется, всю жизнь боролась с внутренней тревожностью, непонятно откуда берущейся душевной болью. И это колоссальное напряжение гасилось за счет самодисциплины, характера, воли и, несомненно, высокой внутренней культуры.

Людмила Константиновна и литература XIX века

Людмила Константиновна была воспитана на литературе XIX века. И порой казалось, что она родилась не в свое время, да и она сама так говорила. XIX век ей был ближе по духу. Родившись в начале XX века, она застала все же остатки атмосферы предыдущего века, прошло ведь не так много времени. Родители ее воспитывались и сформировались в XIX веке, в такой атмосфере растили и дочь. Поэтому тяга к тому времени, любовь к литературе XIX века были естественны для Людмилы Константиновны. Она считала, что настоящая литература должна побуждать человека думать, задумываться о глубоких вещах. Она признавала только литературу, в которой главным был человек и его душа, где оттенки человеческих переживаний и чувств отражались тонко, глубоко и полно. Именно поэтому в своих литературоведческих исследованиях столько внимания Людмила Константиновна уделяла психологизму и это было для нее самым важным критерием в оценке и анализе произведений прозы.

Достоевского и Чехова предпочитала Толстому, Лермонтова, Блока, Некрасова — Пушкину. Для нее литература, независимо от того, находилась ли она в роли читателя и исследователя, всегда была тяжелой работой души, которая болела, страдала, истекала кровью. Каждое произведение она пропускала через себя, прочувствовав эмоции, боль, переживания и трансформации. Иногда, особенно в последние годы, признавалась, что взялась в очередной раз за Чехова или Достоевского и не смогла продолжить, слишком тяжело. Чтобы дать душе отдохнуть, брала Агату Кристи или Стендаля. Восхищало, что при этом она не ограничивалась только классикой. Профессиональный интерес ее распространялся на современную русскую и зарубежную литературы. Она читала произведения постмодернизма (В. Пелевин, А. Королев, В. Ерофеев и др.), русскую беллетристику (Т. Толстая, Д. Рубина, Л. Улицкая и др.), современных зарубежных авторов (обоих Мураками, Паоло Коэльо, Дэна Брауна и др.) С чем-то соглашалась, что-то не принимала, но читала, чтобы знать, чтобы быть в курсе, что происходит сейчас в литературе.

С подругой Надеждой Федоровной в ежедневных телефонных разговорах беседовали о прочитанном, делились мнениями. Часто Людмила Константиновна зачитывала строки из любимых поэтов, ведь Надежда Федоровна видела уже плохо и сама читать не могла. С Анной Аркадьевной Долининой были, возможно, более профессиональные обсуждения, интеллектуальные споры. Они были равны по своему образованию, воспитанию, положению, интеллекту, но по складу характера, по жизненному

подходу, взглядам были очень разными. Иногда, реагируя на мой порой чрезмерный позитивизм, Людмила Константиновна по-доброму говорила: «Вы с Анной Аркадьевной похожи, вот с ней бы Вы нашли общий язык».

Не разделяла она моей склонности всегда, всем и всему находить оправдания. Людмила Константиновна во многом была строга, часто категорична. В первую очередь к самой себе. Но считала, что и к другим надо быть требовательным, чтобы не потакать плохому в человеке. Она была очень пунктуальной и обязательной. Об этом скажет каждый, кто знал Людмилу Константиновну. Не терпела непунктуальности и необязательности со стороны других. Когда у меня была назначена встреча с Людмилой Константиновной, я старалась не опаздывать, а то и приходиться немного раньше. А из-за того, что, как назло, что-нибудь да где-нибудь задерживало, я, как правило, прибегала не раньше, как хотела бы, а ровно минута в минуту. И Людмила Константиновна это подмечала. Не знаю уж, с упреком или одобрением говорила: «Вы пунктуальны, пришли минута в минуту». Это же касалось телефонных звонков. Если договорились, что позвоню в два, значит, ровно в два. Бывало, конечно, и далеко не раз, когда я опаздывала, иногда за это доставалось. Но, если быть откровенным, то ко мне Людмила Константиновна всегда была по-матерински добра и снисходительна. Поэтому, если даже я и бежала на встречу со всех ног, то не потому, что боялась выговора, а потому, что не хотелось заставлять ее ждать, так как со временем я начала больше понимать, что стоит за этим.

Беседы с Людмилой Константиновной

Людмила Константиновна верила в силу слова. Она считала, что теплая беседа, искреннее участие способны помочь человеку. Поэтому она никогда не скупилась на общение со своими студентами, каждому готова была уделить столько времени, сколько необходимо. Общение никогда не ограничивалось только рабочими моментами, это всегда было глубокое душевное и интеллектуальное общение. Часто Людмила Константиновна задавала вопрос, который, как правило, касался проблем нравственности (что такое добро, что считать нравственностью и пр.) и в ожидании ответа проницательным взглядом смотрела на собеседника. Мне кажется, мои ответы не всегда удовлетворяли ее. Тем не менее мы беседовали, пили чай. К чаю всегда было что-то очень вкусное. А со временем Людмила Константиновна даже готовила обеды, если знала, что иду не из дома. Это мог быть вкуснейший куриный бульон, который она готовила сама,

или купленные в «Лэнде» к моему приходу запеканка из цветной капусты или запеканка с картофелем и грибами, которые Людмила Константиновна разогревала на сливочном масле. В такой домашней атмосфере, угощаясь обедом, мы вели беседу. Людмила Константиновна иногда рассказывала истории из своей жизни, я слушала, затаив дыхание, живо представляя то, о чем она говорила. Теперь жалею, что не записывала все это. Но тогда казалось, что это будет продолжаться всегда. Всегда будет Людмила Константиновна и наши встречи, беседы тоже будут всегда... Поэтому уход Людмилы Константиновны, каким бы закономерным он ни был, для меня оказался неожиданным и внезапным. Ушел очень близкий, душевно близкий мне человек. Мы были очень разными, наши мнения во многом не совпадали, но это никак не влияло на душевную теплоту и заботу в наших отношениях. Людмила Константиновна была для меня тем человеком, к которому я могла прийти со своими переживаниями и получить поддержку и понимание. Бывали моменты, когда только Людмиле Константиновне я могла доверить то, что не доверила бы больше никому другому. Но при этом я никогда не теряла ощущения дистанции, которое бывает между учителем и учеником. Для меня Людмила Константиновна, впрочем как и для многих ее учеников, Учитель с большой буквы. Учитель не только в науке, но и Учитель жизни, пример благородства, достоинства, самоотдачи, образец высочайшей внутренней культуры.

Пожалуй, расскажу еще, каким образом, как мне кажется, завязались наши особые отношения с Людмилой Константиновной. Эта история прекрасно демонстрирует ее мудрость как педагога и наставника. На втором курсе в зимнюю сессию мы сдавали зачет. Несмотря на полную готовность к предмету, на кафедру я явилась не в лучшем состоянии духа, по причине совсем не имеющей отношения к учебе. Когда пришел мой черед отвечать, Людмила Константиновна, проницательно посмотрев, спросила, не случилось ли чего у меня. На что я, скорее всего с недовольным видом, быстро собрала вещи и, не попрощавшись, покинула аудиторию. Конечно, это не было проявлением дерзости с моей стороны, хотя, скорее всего, так и выглядело. На самом же деле, после участия Людмилы Константиновны, почувствовав, что подкатывают слезы, я поспешила уйти, чтобы никто их не увидел. К удивлению, эта история не имела негативных последствий, зачет я успешно сдала в следующий раз, будто бы ничего такого и не было. В конце одного из уроков, я подошла к Людмиле Константиновне с пустяковым шоколадным Дедом Морозом, извинилась за свое поведение на зачете и объяснила причину. Людмила Константиновна, мягко улыбнувшись, сказала: «Я все так и поняла». А после сле-

дующего нашего с ней урока она подарила мне хрустальную конфетницу с серебряной каемкой. Вот так, мне кажется, и начались наши теплые отношения. Впоследствии все курсовые, дипломную работу и диссертацию я писала у Людмилы Константиновны. И если я скажу, что моя любовь к монгольской литературе началась с Людмилы Константиновны, это будет абсолютной правдой.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
ПСПбГМУ им И. П. Павлова Р. В. Ивлева*